Валентин Пикуль

Душистая симфония жизни

Часть сборника
Тайный советник. Исторические миниатюры

Тайный советник

Валентин Пикуль

Душистая симфония жизни

«ВЕЧЕ»

Пикуль В. С.

Душистая симфония жизни / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ»,
— (Тайный советник)

«…Моя жена долго искала в продаже французские духи «Шанель № 5», но не нашла их и купила духи отечественные. Я вгляделся в марку на флаконе, прочел название фирмы:– «Новая Заря»! Поздравляю. Вполне возможно, эти духи ничуть не хуже французских.– Разве? – удивилась жена…»

© Пикуль В. С.
© ВЕЧЕ

Валентин Пикуль
Душистая симфония жизни

Моя жена долго искала в продаже французские духи «Шанель № 5», но не нашла их и купила духи отечественные. Я вгляделся в марку на флаконе, прочел название фирмы:

– «Новая Заря»! Поздравляю. Вполне возможно, эти духи ничуть не хуже французских.

– Разве? – удивилась жена.

Я показал ей снимки двух бюстов, мужского и женского, работы скульптора Анны Семеновны Голубкиной, что ныне выставлены для обозрения в Третьяковской галерее.

– Ты ничего не знаешь об этих людях?

– Нет.

– Между тем они оба имеют прямое отношение к тем духам, которые ты купила. Очевидно, мне придется рассказать тебе одну историю. Вернее – историю одной жизни.

Старый парижский мыловар Атанас Брокар имел на улице Шайо крохотную лавчонку, где торговал помадой для волос и туалетным мылом. Было лето 1859 года, когда, задумчиво раскурив трубку, он пожелал говорить с сыном Генрихом:

– Из Ландревилля пишут, что скончался твой дед, почти сто лет жизни вдыхавший винные пары Бургундии и Шампани. Тебе, мой сын, всего двадцать, а ты уже нанюхался всякой дряни, из которой мы извлекаем ароматы… Слушай! – сказал отец. – Париж давно испорчен такими благовониями, которые лучше бы называть вонью. Помнишь, как мы пустили в котел для варки мыла свежий конский навоз и выручили с этого дерьма немало. Ты неплохой химик, а из Москвы приехал парфюмер Гика, ищущий ученого лаборанта. Благословляю тебя. Поезжай.

– С чего лучше начинать мне, отец?

– Начни с мыла. В этом поганом мире еще не все люди благоухают цветами, зато каждый бродяга хоть раз в жизни должен помыться с мылом, чтобы не выглядеть свиньей…

Константин Гика спросил молодого Брокара:

– Как величать вас в Москве?

– Меня зовут Генрихом, я сын Атанаса.

– Значит, в Москве станете Генрихом Афанасьевичем…

Москва встретила француза сугробами, окриками «лихачей», трубными возгласами военного оркестра, игравшего возле дома генерал-губернатора. Молодой человек был сообразительным и, работая лаборантом, присматривался, что может дать ему Россия и что он способен дать России. Его даже обрадовало, когда он узнал, что крестьяне в деревнях считают кусок мыла «барской прихотью», хотя множество бань в Москве и провинции убеждали Брокара в давней чистоплотности русского простонародья. Гика никак не мог заполнить мылом пустующий рынок России, но в Москве уже набирала мощь парфюмерная фирма Альфонса Ралле.

Генрих Афанасьевич еще не овладел русским языком и потому охотно навещал вечерами магазин хирургических инструментов на Никитской улице, который содержал бельгиец Томас Равэ; с ним можно было отвести душу в болтовне на французском…

Равэ долго жил гувернером в провинции, имел похвальные аттестаты от господ Щетинина, Тютчева и Кашпиревых. Но однажды в магазине Равэ послышался с лестницы шелест женского платья, и приятный девичий голос спросил:

– Папа, почему у нас так пахнет цветами?

– Иди сюда, моя прелесть, – велел Равэ, – ароматы принес месье Брокар, занятый в парфюмерии… Это моя дочь Шарлотта, – сказал Равэ, когда девушка спустилась в магазин.

Шарлотта Андреевна (хотя отца ее звали Томасом) родилась в России и другой жизни, кроме русской, не знала; она считала себя русской, любила русскую поэзию, боготворила Пушкина. Брокар ей, кажется, понравился. Она увела его в девичью «светелку», показала альбомы, в которые от руки переписывала «Бориса Годунова», украшая пушкинские строки своими акварельными иллюстрациями. Но, беседуя с Шарлоттой, Брокар догадался, что сердце девушки уже занято любовью к известному певцу, умевшему покорять женщин божественным тенором.

– Завтра мой папа устраивает музыкальный вечер, – сказала Шарлотта, – и я буду рада, если вы разделите мои восторги от голоса этого певца… Ах, как он поет!

– Я приду, – сухо раскланялся Брокар.

Он пришел с громадной корзиной фиалок, советуя Шарлотте поставить ее на крышку рояля.

– Это вам и вашему певцу, – многозначительно произнес Брокар. – Надеюсь, запах этих дивных цветов усилит вокальные способности вашего любимого тенора.

Тенор с позором бежал из дома Равэ, не в силах взять голосом ни единой высокой ноты.

Шарлотта сказала Брокару:

– Оказывается, вы не только химик, но еще и колдун.

– Тайна моего ремесла, – отвечал Брокар…

Он-то как парфюмер хорошо знал, что запах фиалок способен разрушить гармонию голосовых связок (о чем, кстати, ему не раз говорили старые опытные певцы). В лаборатории Брокар втайне от хозяина Гика скоро изготовил эссенцию, способную делать запахи более устойчивыми. Наконец, он решился просить у Томаса Равэ руки его дочери.

– Видите ли, – отвечал Равэ, – мои дела идут хорошо, а я человек практический, и мне сразу хотелось бы знать, каково будет обеспечение моей дочери с вашей стороны.

– Я получаю сто двадцать рублей в месяц.

– Этого мало, – вздохнул Равэ. – Вы же сами понимаете, что моему сокровищу требуется более дорогая оправа…

Брокар срочно выехал на родину, где процветали давние парфюмерные фирмы Любэна, Пино, Леграна и Пювера, которые предложили ему доходные должности в своих лабораториях. Легран, хорошо знавший семью Брокаров, заманивал его на пост директора фабрики с годовым окладом в пять тысяч франков.

– Нет, – отказался Брокар, – я уже связан с Москвою узами сердечной привязанности и приехал… продавать!

– Вы привезли хоть кусок русского мыла?

– Я привез нечто большее…

Связавшись с фирмой Бертрана в Грассе, он продал ей секрет концентрации запаха, за что и получил 25 000 франков. С этими деньгами Генрих Афанасьевич возвратился в Москву.

– Запах нематериален, – сказал он Равэ, – но он становится даже осязаем, когда превращается вот в такие купюры.

– Вы мне нравитесь, – отвечал Равэ…

Певец с его тенором был забыт. Шарлотта заказала венчальное платье. Осенью 1862 года Брокар стал женатым человеком в возрасте двадцати четырех лет. Выбор его был правильным: Шарлотта, русская по привычкам и воспитанию, не только читала стихи, но по себе знала скромную жизнь русской провинции, ведала нужды и потребности простого русского человека.

– Мне твои химические формулы непонятны, – сказала она мужу. – Но хотелось бы знать, с чего ты начнешь?

Генрих ответил, что отец передал рецепт обработки кокосовых орехов для выделки «кокосового» мыла. Наконец, ему давно известен секрет получения глицеринового мыла.

– Согласна, – кивнула Шарлотта, – но прежде, мой дружочек, ты бы сходил в простую русскую баню и посмотрел бы, есть ли там у кого мыло и как русские люди парятся…

После парилки, исхлестанный веником, Брокар вернулся домой в полном изнеможении и сразу свалился на постель.

– Это чудовищно! – сказал он. – Но мыла я что-то не заметил. Русские борются с грязью вениками, которые, по моему мнению, одинаковы с ударами палаческого кнута…

Весною 1864 года Брокар открыл в Теплом переулке свою «фабрику», наняв двух рабочих – мужика Герасима и молодого парня Алексея Бурдакова, которых сразу же предупредил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.